

МОНАСТЫРИ КРЕСТНЫЙ ПУТЬ

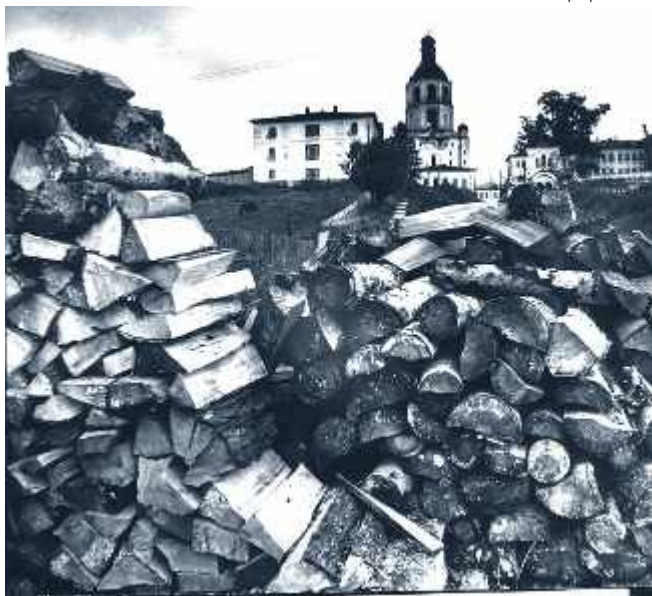
В NN 165-166 газета рассказывала о судьбе Стефано-Ульяновского монастыря в 20-е годы, когда здесь был организован «исправительный трудовой дом». Делая еще более далекий экскурс в прошлое, сегодня мы публикуем материал о жизни обители в годы революционных потрясений России. Год 1917-й.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Троицко-Стефановский Ульяновский мужской монастырь, учрежденный в 1860 году и построенный на месте бывшей Ульяновской пустыни прибывшими для этого солонецкими монахами, к 1917 году был богатейшей обителью и настоящим оплотом православия в Коми крае. По количеству монашествующих он занимал второе место в Вологодской епархии, куда до революции входил Коми край, уступая только вологодскому Горне-Успенскому женскому монастырю.

В Ульяновской обители было 11 основных каменных построек, ограждала ее высокая крепостная стена с четырьмя угловыми башнями и небольшой надвратной церковью. В общей сложности в монастыре действовало 7 церквей. Две из них располагались в двухэтажном здании собора, где верхний этаж занимала церковь в честь Живоначальной Троицы, а в нижнем располагались приделы в честь Спаса Нерукотворного Образа, Похвалы Пресвятой Богородицы и в честь Святителя Стефана Пермского. Еще две церкви, в честь Николая Чудотворца и Преподобных Зосимы и Савватия, были расположены в корпусе колокольни. Кроме того, при монастыре действовали церковь в честь св.Александра Невского, кладбищенская церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы и уже упомянутая надвратная церковь

Архистратига Михаила. Всего монастырский комплекс включал в себя около пятидесяти строений, большую часть

из которых составляли хозяйственные постройки.

Помимо этого, обитель владела подворьем в г. Усть-Сысольске, где имелось два здания и деревянная церковь (в единственном сохранившемся каменном здании ныне располагается управление Сыктывкарской епархии). В деревне Аныб

находилась монастырская мукомольная мельница с несколькими хозяйственными постройками. К 1917 году у монастыря было 890 гектаров земли, в том числе 42 пахотных (для сравнения: только три монастыря в богатейшей Вологодской епархии имели больше земли). Также монахи обрабатывали большой огород, имели скотный двор в 39 голов крупного рогатого скота холмогорской породы (после ликвидации монастыря эта порода сохранилась в Ульяновском совхозе). Был у насельников и кирпичный завод, а также самые различные ремесленные мастерские. При монастыре действовали церковно-приходская школа, рассчитанная на 17 мальчиков, а также открытая в 1897 году богадельня для заштатных священнослужителей.

Все вышеописанное хозяйство содержалось и обрабатывалось исключительно трудами самих монахов, послушников и богомольцев, желавших постричься в монашество. Причем трудились абсолютно все способные к труду, включая и священников. Те же, кто по старости, либо по немощи телесной не мог работать на общих монастырских послушаниях, занимались мелкими

посильными для себя ремеслами. Не удивительно, что при таком подходе к делу рос и монастырский капитал, на 1917 год составлявший 307 тыс. 515 руб.

* * *

Настоятелем монастыря в 1917 году был 44-летний иеромонах Амвросий. Как и большая часть насельников, отец Амвросий происходил из простой крестьянской семьи. Испытывая тягу к монашескому образу жизни он – тогда еще крестьянский сын Афанасий Фадеевич Морозов – в 16 лет покинул родное село Межадор, что недалеко от нынешнего Сыктывкара, и отправился в Троицко-Стефановский Ульяновский монастырь на послушание. Прямо из обители его призвали на военную службу, по возвращении с которой он вновь был принят в число послушников и в 1904 году, в возрасте 30 лет, пострижен в иноки с именем Амвросий. Через четыре года отец Амвросий был рукоположен во иеродиаконы и еще через три года – во иеромонахи. За ревностное отношение к служению и житию монашескому очень скоро, уже в 1912 году, братия монастыря единодушно избирает его настоятелем на смену умершему игумену Палладию. Впоследствии, в 1918 году, новый настоятель будет рукоположен в сан игумена (есть сведения, что рукоположение собственноручно совершил сам патриарх-исповедник Тихон). Ему – игумену Амвросию Морозову – и было суждено стать последним настоятелем обители.

* * *

На январь 1917 года в монастыре числилось в общей сложности 130 насельников, среди которых было 11 иеромонахов (включая настоятеля), 5 иеродиаконов, 26 монахов, 9 послушников, а также 79 трудников и богомольцев, живущих «для заслуги монашества». Из 11 числившихся при монастыре иеромонахов трое были нетрудоспособны из-за преклонного возраста. Из

оставшихся семи один – отец Власий (Артеев) – являлся смотрителем монастырского подворья в городе Усть-Сысольске, где и находился постоянно. Остальные шесть иеромонахов служили в семи монастырских церквях и иногда в ближних к монастырю сельских приходах. Иеродиаконы и рядовые иноки неотступно находились в монастыре (за исключением редких командировок), и состав их практически не изменялся.

А вот количество живших при монастыре послушников и богомольцев еще начиная с 1914 года постоянно менялось из-за регулярно проводимых мобилизаций на фронты I Мировой войны, а также благодаря прибытию новых насельников. Еще до революции мобилизации нанесли серьезный урон духовной и хозяйственной жизни обители, о чем достаточно красноречиво свидетельствует переписка настоятеля с вышестоящим церковным священноначальством. В одном из писем в 1916 году иеромонах Амвросий даже просит разрешения на преждевременный постриг наиболее способного послушника Василия Мишарина (лиц, принявших монашеский постриг, не призывали на военную службу): «Из вверенной мне Обители уже взяли на войну около 60 человек, в Обители остались только старые да малые богомольцы, да и малых-то требуют родители детей для выполнения своих работ. Если послушника Василия Мишарина потребуют на войну, то Обитель останется без пономаря, потому что совершенно некого поставить на это послушание, почему я и вынужден просить Вашего разрешения на постриг». Тем не менее мобилизации продолжались, и в начале 1917 года настоятель пишет в письме: «...способных певцов в Обители почти никого нету, так как все отправлены на войну. Так что Иеромонах Платон помимо проведения богослужений в свободное время постоянно поет на клиросе».

За первую половину 1917 года из монастыря отбыло по мобилизации по меньшей мере 3 человека, но при этом число насельников увеличилось со 130 до 180 человек (в большей степени за счет демобилизованных). Из этого числа 40 человек составляли нетрудоспособные, подростки и лица старше 60 лет. После тяжелой и страшной войны многие солдаты, возвратившиеся живыми, жаждая душевного успокоения после виденных ужасов, потянулись к тишине и безмятежности в Ульяново. А потому очень скоро в монастыре вновь восстанавливается прежнее число насельников. Кто мог тогда знать, наблюдая это радостное обновление монастырской жизни, что беда неминуемо приближается... Знали ли, чувствовали ли эти люди, укрывшиеся от мира за крепостной стеной, что скоро, совсем скоро им предстоит кровавый Крестный путь?

МЕЖДУ «КРАСНЫМИ» И «БЕЛЫМИ»

Вскоре после победы Февральской буржуазной революции, примерно с середины 1917 года, началась конфискация так называемых «хлебных излишков». Надо сказать, что хоть монахи и растили свой хлеб, но его никогда не хватало, и он ежегодно прикупался на стороне. Причина состояла в том, что в обитель бесплатно принимали и кормили странников и богомольцев, прибывавших сюда на 2-3 дня для поклонения святыням, исповеди и причастия Святых Тайн. Таких временно проживающих монастырь принимал от 10 до 15 тысяч человек в год, о чем неоднократно упоминается настоятелем в письмах с прошениями оставить хлебный запас в распоряжении обители.

В июне 1917 года при проведении ревизии в монастыре «продкомитетчиками» было выявлено около 1000 пудов «хлебных излишков», которые, вероятно, все же не были изъяты: настоятелем и братией было составлено письменное обращение в Вологодский Губернский продовольственный комитет, где кратко излагались вышеупомянутые причины

необходимости сохранения большого хлебного запаса и просьба войти в положение обитатели. Тем не менее, чуть раньше в монастыре было изъято 9 коров. Однако при этом была выплачена денежная компенсация в размере полной стоимости реквизированного скота, и еще вплоть до сентября 1917 года в обитель поступали добавочные суммы к этой стоимости. До прихода большевиков революционное правительство вело себя еще цивилизованно...

* * *

Весной 1918 года в Устьсысольском уезде сложилось крайне тяжелое продовольственное положение, свыше 60 процентов населения голодало. Как раз в это трудное время, в июне 1918 года, в Усть-Сысольск прибыл красногвардейский отряд под командованием члена архангельского горкома РКП(б) Ларионова, после чего власть в уезде фактически перешла в руки большевиков. Почти сразу же в монастыре было реквизировано 419 пудов «излишков». После этих событий в монастыре попросту начался голод. Он уже не мог прокормить прежнее число насельников (около 180 человек), и большей их части пришлось покинуть обитель. К июню 1918 года там проживало уже не более 80 монахов и послушников.

Осенью 1918 года почти друг за другом монастырь посетили экспедиционный красногвардейский отряд небезызвестного в Коми крае Мандельбаума (11 сентября) и отряд заведующего отделом внутреннего управления Усть-Сысольска, члена устьсысольской ЧК В.Чуистова (10 октября). При этом первым отрядом в обители было конфисковано продовольствия, имущества и денег общей суммой на 63965 рублей, а вторым – имущества и продовольствия на 7100 рублей, а также остатки монастырской казны.

Мориц Мандельбаум – в прошлом пленный австрийский офицер, перешедший на сторону большевиков – был

человеком довольно грубым и жестоким, о чем упоминали и бывшие его соратники. За время экспедиции на Печору во главе красногвардейского отряда им была совершена целая серия злодеяний. Например, без суда и следствия он расстрелял двух пожилых женщин, отказавшихся помогать «конфискаторам» ловить изымаемую у них единственную корову. Их расстреляли на палубе парохода вместе с сельским священником ближайшего прихода, после чего тела всех троих были сброшены в реку. Было бы удивительно, если бы творивший подобное злодей вел себя в обители так, как это описал в газетной заметке (а впоследствии и в своих воспоминаниях) фельдшер отряда Д.Розанов: «...Поужинав в монастыре и захватив из монастырского склада немного сахара, чаю и четверть красного вина мы отправились на корабль...» (Зырянская жизнь, 1918, 4 октября). То «немногое», что было захвачено отрядом, выразалось целым списком имущества, в число которого входило 10 лучших лошадей со сбруей, 2 коровы, 8 повозок, значительное количество одежды, а также продовольствие.

* * *

Еще с августа 1917 года остро стоял вопрос о возможной конфискации земельных угодий монастыря. Тогда, при попытке Устьсысольского съезда крестьянских депутатов в августе 1917 года отобрать у монахов земельные владения, за монастырь заступился преосвященный Алексей, епископ Вологодский. Он обратился к вологодскому губернскому комиссару с прошением о сохранении за обителью земли как обрабатываемой самими монахами «в соответствии с требованием демократии «земля – трудовому народу». Менее чем через год этот вопрос вновь был поставлен на рассмотрение заседания Устьсысольского уездного совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. 23 марта 1918 года Советом было принято решение о

национализации земельных владений монастыря и передаче их в распоряжение Уездного земельного отдела, однако при этом братии разрешалось пользоваться получаемыми с земли продуктами своего труда.

После окончательного установления в крае власти большевиков история с конфискацией монастырских земель окончилась. Осенью 1918 года Уездным земотделом с ходатайством об открытии в Коми сельхозучилища был отправлен в Москву местный агроном Ф.А.Бачуринский. Не найдя поддержки в наркомате земледелия из-за отсутствия денежных средств, Флегонт Александрович (так звали агронома) отправился напрямик к «вождю мирового пролетариата». Ленин внимательно выслушал «ходока», после чего заметил, что для нового училища потребуются помещения. Узнав же о том, что на примете имеется национализированный монастырь, «вождь» «...весело расхохотался и, поблескивая глазами, сказал: «Монастырь... Вместо затемнения умов просвещением будете заниматься. Правильно поступаете, товарищи!». После чего средства на открытие школы моментально были найдены. 23 ноября 1918 года на заседании Устьсысольского уездного исполкома Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Уездной земколлегии было принято решение о передаче имения, земель и имущества Ульяновского монастыря в полное распоряжение создаваемого на его базе сельхозучилища. Конечно же, в далекой северной глубинке сельхозшкола была необходима. Но не проще ли во много раз было вместо откровенного грабежа законных владельцев обители – монахов – поручить создание школы именно им: ведь благодаря монашескому труду национализированное монастырское хозяйство в 1918 году считалось «показательно-культурным». Однако отдающий манией деструкции большевистский принцип коренной ломки всего старого пересилил.

Еще раньше монастырем были утрачены земли, находившиеся при мельнице в деревне Аныб. С первых месяцев 1918 года местными крестьянами неоднократно делались попытки захватить в личное пользование мельницу с относящимися к ней землями и имуществом. Но если поначалу монастырь мог обратиться к представителям центральных властей в Аныбе с просьбой об охране мельницы и пашни от незаконных посягательств, то с момента окончательного установления советской власти в центре такие попытки даже и не предпринимались – результат можно было предугадать заранее. Последнее письмо на этот счет было отправлено иеромонахом Амвросием в устьысольский уездный зем.отдел в июне 1918 года. В нем содержался запрос о том, может ли монастырь собрать с поля засеянный им урожай озимого хлеба, и если да – просьба сохранить этот хлеб от потравли крестьянским скотом. Таким образом, обитель лишилась последнего средства существования – земли. Единственным источником доходов братии, которая чуть было вообще не оказалась на улице, остались доходы от совершения церковных треб. Однако на этом их злключения не закончились.

С 1 января 1919 года на базе монастыря официально действовало сельхозучилище. В октябре того же года начальником уездной милиции было обнаружено и изъято на территории обители 500 пудов спрятанного хлеба. По этому поводу настоятель игумен Амвросий, казначей иеромонах Мелетий (Федюнев), экононом иеромонах Тихон (Лапшин) и еще 3 монаха из числа старшей братии были арестованы и отправлены в г.Устюг, в губернскую ЧК, где и находились вплоть до начала 20-х годов. Когда арестованных выпустили под письменное обязательство и они устроились на ночлег в местном Иоанно-Предтеченском женском монастыре, в местной газете не

применули заметить о мучениках: «...сочли своим долгом навестить монашек и провести с ними ночь».

Сразу после ареста настоятеля в обители был устроен 10-дневный обыск, в ходе которого было обнаружено большое количество скрытого продовольствия и имущества. Несмотря на то, что имение монастыря официально принадлежало сельхозучилищу, в укрывательстве продовольствия обвинили монахов. Командовавший обыском следователь губернской ЧК Губин по возвращении из монастыря опубликовал заметку в газете «Зырянская жизнь», подписавшись гордым псевдонимом «Боевой». Своеобразно истолковав результаты обыска, в конце статьи он вынес предложение изгнать монахов из монастыря и заключить их в концлагерь. Довольно скоро этому предложению суждено было сбыться.

Между тем боевые действия перекинулись в Усть-Сысольский район. Белогвардейский отряд подходил к Ульяновскому монастырю, «белых» встречали колокольным звоном...

ЗА КОНТР-РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ...

К ноябрю 1919 года на территории монастыря остались проживать 35 бывших насельников. В их число входили также и престарелые монахи, помещенные в открытую здесь большевиками новую богадельню для нищих. Во главе братии находился временно исполняющий обязанности настоятеля иеромонах Платон, который помимо прочего согласился занять пост заведующего вновь открытой сельхозшколы для детей бедняков (занятия в ней начались лишь в октябре 1919 года). Однако сделать многого для школы он не успел.

В конце 1919 года боевые действия разгоревшейся гражданской войны охватили Усть-Сысольский уезд, а в

последних числах ноября 1919 года почти вся территория Коми края перешла в руки белогвардейцев.

Монастырская братия встретила подошедшие части белых колокольным звоном и благодарственным молебном (что, впрочем, было почти в каждом селе – многим уже надоели беззакония советской власти и потому белогвардейцев ждали как освободителей и восстановителей законности). Уже знакомый нам «Новый хозяин монастыря Флегонт Бачуринский», как называли его некоторые старожилы Усть-Куломского района (в начале 1919 года ему было поручено следить за созданием сельхозшколы), узнав о приближении белогвардейцев, тайно среди ночи бежал из монастыря. К своему счастью в пути он встретил вооруженный отряд красноармейцев и, быть может, только поэтому смог благополучно эвакуироваться из района боевых действий – местные крестьяне, страшно недовольные действиями советской власти, в это время уже начали «отлов» всех коммунистов.

Белогвардейцы продержались в Усть-Куломском районе чуть более трех месяцев – с середины ноября 1919 по начало марта 1920 года. Сразу же по прибытии в монастырь белогвардейского отряда под командованием унтер-офицера Канева в монастыре был отслужен благодарственный молебен, по окончании которого на общем собрании всех насельников была избрана новая администрация для вновь восстановленного монастыря. Оставшейся братии не оставалось ничего иного: игумен Амвросий вместе с членами старшей братии, ранее составлявшими монастырскую администрацию, все еще находились в заключении, и вестей от них не было никаких. В итоге на должность настоятеля монастыря был избран иеромонах Платон, казначеем стал иеромонах Арсений (Попов) и экономом – иеродиакон Павел (Козлов).

В общей сложности за время своего пребывания белогвардейцы приобрели в монастыре 13 коров, около 2000 пудов хлеба и 10 пудов овощей, что, откровенно говоря, было сделано не самым честным путем. В результате монахи уже вторично были оставлены без продовольствия, на сей раз -освободителями. Кроме того, белые изъяли хранившиеся в амбарах совхоза-монастыря имущество и учебные принадлежности сельхозучилища, совхозное имущество, а также оборудование, оружие и боеприпасы готовившейся исследовательской экспедиции на Печору. Одновременно ими был казнен техник Печорской экспедиции коммунист А.Я. Торс, прибывший в монастырь из Усть-Сысольска с целью эвакуации либо уничтожения экспедиционного оружия и боеприпасов: задержанный местными крестьянами в монастыре за три дня до подхода белогвардейцев, он несколько дней просидел под арестом, а затем был зарублен шашкой в лесу, в окрестностях с.Деревянск. Надо сказать, что новый настоятель монастыря еще до прихода белых несколько раз пытался спасти арестованного Торса, заранее предвидя подобные последствия и предлагая ему бежать, от чего тот отказался. Кроме того, лишь благодаря самоотверженным действиям иеромонаха Платона, рисквавшего попасть в «немилость» белогвардейского командования, в монастыре удалось сохранить некоторые оставшиеся после «ревизий» большевиков драгоценные богослужебные предметы и иконные оклады – белые предпринимали попытку вывезти и их.

4-5 марта 1920 года последние очаги белогвардейского сопротивления в Усть-Куломском районе были подавлены. Практически сразу же после победы победившая власть устроила массовые судебные разбирательства в отношении всех тех, кто поддерживал белогвардейцев. 20 монахов были осуждены на различные сроки лишения свободы.

Иеромонах Платон чудом избежал расстрела. Часть осужденных с самого начала была отправлена для отбывания срока заключения в Усть-Сысольскую городскую тюрьму. Другая часть – 14 человек с иеромонахом Платоном во главе – были осуждены на пятилетний срок с отбыванием заключения в великоустюжском концлагере.

* * *

В 1923 году, согласно постановлению Облисполкома, были закрыты все еще действующие монастырские церкви. Церковное имущество и оставшиеся богослужебные предметы разошлись между различными советскими организациями, начиная с Облфинотдела и заканчивая сельскими клубами (там впоследствии многие священнические облачения и священные сосуды использовались в качестве театрального реквизита для юродства на потеху публике).

К 1923 году из оставшихся в совхозе-монастыре после репрессий 16 монахов в живых осталось лишь шестеро. (В их число входили и некоторые из выпущенных на свободу в мае 1920 года шести старших монахов во главе с настоятелем игуменом Амвросием, еще в 1919 году отправленные в Великий Устюг.) Выходя из заключения, почти каждый из насельников возвращался в Ульяново. Однако, застав в монастыре полнейший развал, никто из них не задерживался там надолго и, как правило, возвращался в свое родное село, где и оставался при церкви. Так, бывшие насельники монастыря рассеялись по многочисленным селам и деревням обширного Коми края, где и теряются следы многих из них. Имена некоторых время от времени попадают в сводках ОГПУ за 20-30-е годы в числе лиц, лишенных избирательных прав, а также среди «неблагонадежных элементов, распространяющих

всяческие слухи антисоветского содержания». Однако эти сведения редки и малозначительны.

ПОМЯНЕМ ПОИМЕННО

С 1930 года советское государство переходит к политике массовой ликвидации религии. Всех предшествовавших мер оказалось недостаточно: лишенная имущества и не признаваемая законом Православная Церковь не умирала, тем самым полностью опровергая марксистское учение о религии как о классовом явлении, обусловленном экономическими факторами. Мало того, еще в 1920-е годы началось значительное церковное возрождение, продолжавшееся вплоть до начала 1930-х годов, что признавала в своих секретных докладах даже официальная антихристианская организация «Союз воинствующих безбожников».

В период с 1930 по 1939 годы было проведено повсеместное закрытие и разрушение церквей, при этом в ряде случаев – даже в обход и без того жестких законов в отношении религии и Церкви. Среди духовенства и активных церковников вдруг обнаружилась масса «террористов» и «иностранных шпионов», что дало повод к проведению массовых арестов священников.

Почти всех монахов Ульяновской обители постигла общая судьба – в начале 20-х годов – лишение избирательных прав, а в 30-х – окончательное уничтожение как «контрреволюционеров» и «террористов».

Итак, помянем поименно:

Настоятель Троице-Стефановского Ульяновского монастыря, игумен Амвросий (Морозов).

В мае 1920 года отец Амвросий вернулся в Ульяновский монастырь, откуда семь месяцев назад, в октябре 1919 года, он был увезен вместе с казначеем, экономом и тремя

старшими монахами, арестованными за укрывательство «излишков» хлеба.

После закрытия церквей в мае 1923 года он еще около года прожил на территории когда-то управляемой им обители, после чего был вынужден переселиться в г. Усть-Сысольск (Сыктывкар) из-за начатой Усть-Куломским укомом РКП(б) «окончательной чистки монашесствующего духовенства из Ульяново». Там отец-игумен поселился в небольшом деревянном доме по улице Интернациональной. До 1930 года служил священником в Свято-Вознесенской кладбищенской церкви (ныне – Свято-Вознесенский кафедральный собор г.Сыктывкара), покуда не началось повсеместное уничтожение храмов.

В 1930 году отец Амвросий был арестован по обвинению в «сокрытии валюты» (проще говоря – за то, что не сдал своевременно накопленные серебряные монеты советской чеканки, которые в это время уже начали изыматься из оборота). Тогда суд приговорил его к трехгодичной ссылке в Северный край (в состав которого собственно и входила Коми АССР), и бывший настоятель вновь оказался в Усть-Куломском районе – теперь уже как в местах своего заключения.

По окончании срока ссылки, в 1933 году, он вновь возвратился в Сыктывкар, на свое прежнее место жительства. Теперь уже служить регулярно было негде – большинство церквей оказались закрыты – а потому служение отца Амвросия ограничивалось совершением треб.

В первых числах августа 1937 года в органы НКВД поступил донос, в котором говорилось о якобы регулярно устраиваемых игуменом «сборищах церковников» и ведении им активной антисоветской агитации. 4 августа отец Амвросий был арестован и отправлен в сыктывкарскую тюрьму НКВД.

При обыске, учиненном в доме в момент ареста, естественно не было найдено никаких вещественных доказательств возможного преступления. Два допроса, проведенные в ходе короткого 13-дневного следствия, также не дали результатов: игумен полностью отвергал все сфабрикованные против него обвинения. Однако следствие это не остановило. 19 августа вышло обвинительное заключение, согласно которому вина в совершении преступлений была целиком доказана на основании показаний двух «свидетелей», и дело перешло на рассмотрение тройки УНКВД. Тройка не заставила себя долго ждать: в тот же день, 19 августа «Морозов Амвросий Фадеевич, 1873 года рождения, бывший игумен, судимый 2 раза, обвиненный по статье 58 п.10 ч.1 УК РСФСР» был приговорен к РАССТРЕЛУ. Через 2 дня, 21 августа 1937 года, 64-летний отец Амвросий сподобился принять мученическую кончину, будучи расстрелян в районе г.Сыктывкара. Даже приблизительное место его захоронения до сих пор неизвестно.

КАЗНАЧЕЙ ИЕРОМОНАХ МЕЛЕТИЙ (ФЕДЮНЕВ)

По возвращении из г.Устюга, куда он был отправлен в 1919 году вместе с настоятелем, экономом и еще тремя монахами, иеромонах Мелетий поселился в соседнем с Ульяново селе Кужба. Приютил «батюшку» некий очень верующий старичок, поселив его в доме своей дочери Евдокии Ивановны Тарабукиной и наказав ей ухаживать за священником и помогать по хозяйству. Будучи священником, отец Мелетий совершал все необходимые жителям села церковные требы: детей крестил, служил молебны, совершал отпев усопших. По рассказам старожилов Кужбы, был отец Мелетий мастером на все руки: и туеса умел делать, и пестери, знал все приметы о сборе урожая, о времени заготовки на зиму грибов и ягод.

В доме, где жил бывший казначей монастыря, еще с самого начала 1920-х годов неоднократно устраивались обыски – все мерещилось местным властям, что отец Мелетий припрятал-таки где-то сокровища из монастырской казны. Продолжались эти обыски вплоть до 30-х годов, а потом...

Евдокия Тарабукина – хозяйка дома, где жил о.Мелетий рассказывала, как среди ночи в дом ввалились три человека в форме НКВД. Они подняли батюшку с постели, приказали одеться, посадили на лошадь и увезли.

Через 19 дней после ареста скорая на кровавую расправу Тройка НКВД уже вынесла приговор и через два дня иеромонах Мелетий был расстрелян.

ЭКОНОМ ИЕРОМОНАХ ТИХОН (ЛАПШИН).

Вернувшись в начале 1920-х годов из г.Великого Устюга, иеромонах Тихон вместе с настоятелем игуменом Амвросием поселился было в стенах родного Ульяновского монастыря. Однако в 1923 году иеромонах Тихон был вынужден вернуться в родное село Иб, где поселился в доме брата. Пожив 2 года на родине, в 1925 году, будучи священником, заступил на приход в с.Пажга недалеко от г.Усть-Сысольска. Приход был очень большой и приносил неплохие доходы. Однако из-за слабого здоровья и, как говорил сам отец Тихон, малой образованности от этого прихода ему пришлось отказаться. Примерно в 1928 году он заступил на небольшой приход в с. Кошки Сереговского сельсовета. Здесь и остановился, поселившись прямо при церкви. Богослужения совершал исправно и усердно, со страхом Божиим, в Пасху и двенадцатые праздники обходил дома верующих с крестом, служил небольшие молебны. Надо сказать, что большую часть жителей села составляли люди верующие, а потому священника очень любили и уважали за его усердие в служении. На богослужения отца Тихона начали приезжать и из соседних сел – Серегово и Половники. Как и до революции, люди

помогали своему «батюшке» чем могли – приносили продукты, собирали деньги для уплаты церковного налога.

Видимо, местным властям не понравился возрастающий авторитет священника, и очень скоро его «попросили» перейти на другой приход. Кто знает, быть может, сделай он это своевременно – и время скорбей оттянулось бы еще на несколько лет. Но отец Тихон остался на приходе в Кошках. 22 ноября 1932 года он был арестован вместе с 24 жителями близлежащих сел, в число которых по большей части вошли монахини и послушницы уже разогнанного к тому времени Крестовоздвиженского Кылтовского женского монастыря.

Как часто бывало в подобных случаях, престарелым служителям церкви Христовой предъявили чудовищное по своей глупости обвинение: они были объявлены «контрреволюционной террористической группировкой», в состав которой входило 19 человек (6 монахинь в ходе следствия были отпущены на свободу) и за которой якобы числились: 1) срыв сельхоз–политкомпаний; 2) устройство подпольного женского монастыря из состава монахинь бывшей Кылтовской обители; 3) организация нелегальных собраний, во время которых обсуждались методы борьбы с советской властью; 4) систематическая антисоветская агитация и борьба за возврат старого монархического строя. Руководителями группировки были объявлены иеромонах Тихон и бывшая настоятельница Кылтовского женского монастыря игуменья Ермогена (Дьячкова). 5 месяцев арестованных продержали в сыктывкарской городской тюрьме (причем некоторые из них содержались в одиночных камерах), покуда, наконец, ни выбили желаемого признания в несуществующих преступлениях. Никто теперь уже не знает, что происходило в помещениях тюрьмы во время допросов. Вероятнее всего следователь пригрозил отцу Тихону, что расстреляет всех арестованных монахинь, если не добьется от него признания. Так или

иначе, но через полтора месяца заключения священник вдруг резко меняет свои показания и неожиданно соглашается с тем, что он действительно возглавлял контрреволюционную группировку из монахинь и некоторых верующих мирян. Говоря же о деятельности «группировки», он отмечал следующее: »...Антисоветская пропаганда если и исходила не лично из МОИХ уст, то все равно под МОИМ руководством через монахинь и (арестованных) глав церковного совета, в чем и признаю СЕБЯ виновным. При этом заявляю, что это делалось исключительно в силу МОИХ религиозных убеждений...» Взяв таким образом всю вину на себя, иеромонах облегчил судьбу остальных обвиняемых: все они получили 3 года высылки в Северный край, после чего многие монахини вернулись на прежние места жительства. На иеромонаха Тихона было заведено отдельное дело. Через 5 месяцев после начала следствия в отношении его вышел окончательный приговор: «...заклЮчить Лапшина в исправтрудлагерь сроком на 5 лет с заменой заключения высылкой в Северный край на тот же срок». В село Кошки он более не возвращался...

СМОТРИТЕЛЬ МОНАСТЫРСКОГО ПОДВОРЬЯ В Г.УСТЬ-СЫСОЛЬСКЕ ИЕРОМОНАХ ВЛАСИЙ (АРТЕЕВ)

В 1918 году все здания подворья Ульяновского монастыря в г.Усть-Сысольске были изъяты из ведения обители (в том числе и имевшаяся там деревянная церковь, которая в 1921 году, оскверненная, будет отдана под музей облсовнархоза). Бывший смотритель подворья иеромонах Власий нашел себе пристанище в соседней с г.Усть-Сысольском (Сыктывкаром) деревне Кочпон, где и жил, по крайней мере к началу 1930-х годов, исполняя обязанности приходского священника. Служил в деревянном Свято-Казанском храме,

по мере сил совершал требы, покуда к старости не начал совсем слабеть здоровьем.

Зимней ночью 20 февраля 1930 г. отец Власий пропал.

...Весной 1930 года на Печору на место новой работы по распределению ехали только что поженившиеся молодые учителя Константин и Раиса Забоевы. В свое время еще незамужней Раисе, уроженке Кочпона, приходской священник отец Власий пообещал: «Вот будешь выходить замуж, обязательно вас с женихом обвенчаю, а после вас наверное уже никого венчать не буду» (ему тогда уже перевалило за 70). Однако исполнить своего обещания иеромонах не успел. И вот, придя на Сыктывкарскую пристань, увидели молодые такую картину: сидит на пристани «батюшка», совсем седой, с небольшим дорожным мешочком в руках. Супруги подошли, поздоровались как полагается и спросили, чего он здесь делает. «Да вот, – отвечает, – везут меня куда-то, куда везут – не знаю». С тех пор иеромонаха Власия более в Кочпоне не видели.

БЫВШИЙ ПОСЛУШНИК МОНАСТЫРЯ, ИЕРЕЙ ПАВЕЛ (КАТАЕВ)

До революции Павел Егорович Катаев являлся послушником Троице-Стефановского Ульяновского монастыря и, видимо, желал остаться там для принятия малого ангельского образа. Но ему была уготовлена другая стезя – монахом он скорее всего так и не стал. В 1919 году, после одной из реквизиций, послушник Павел был вынужден покинуть монастырь и вернуться в родное село Керчемья. Тогда ему был 31 год от роду.

В течение последующих восьми лет Павел Егорович служил псаломщиком в местной церкви. В 1927 году в Усть-Куломском районе начало активизироваться движение «бурсылысь» – секта, появившаяся в Коми крае в конце XIX

века, в конце 1920-х годов переросшая в национально-религиозное движение. Тогда Павел бросил службу в церкви и примкнул к «бурсылысь». В течение 2 лет он принимал активное участие в жизни секты, вместе с другими ее членами ходил по окрестным селам и деревням с проповедью. Однако вскоре, в 1929 году, местные власти устроили гонения на «бурсылысь», многие участники движения были арестованы. Павел Егорович избежал этой участи.

В том же 1929 году в район прибыли первые ссыльные священники-тихоновцы – те, кто остался верен Московской Патриархии и не принял ереси обновленцев (надо отметить, что все монахи Ульяновского монастыря, судьбы которых удалось установить, являлись тихоновцами). Они-то и уговорили бывшего псаломщика вернуться на службу в церковь.

В 1933 году, прослужив псаломщиком еще 4 года, Павел Егорович был последовательно рукоположен сначала во диакона, а затем и во священника (благо, рукополагать было кому – в Северном крае перебивало немало ссыльных архиереев). К этому времени отец Павел успел жениться. Все его семейство состояло из двух человек – он и супруга Анастасия Тимофеевна, которую он оставил в Керчемье, сам будучи направлен служить в с.Деревянск.

Однажды хозяйка дома, в котором отец Павел снимал квартиру в Деревянске, принимала многочисленных гостей. Кто-то из села донес в «органы» о том, что на квартире священника собираются чужие люди и что он вероятно ведет агитацию против советской власти. Этого было достаточно.

17 июля 1935 года иерей Павел был арестован. Одновременно с ним в с.Керчемья арестовали ссыльную монахиню астраханского Иоанно-Предтеченского женского монастыря м. Анастасию (Жугаевич).

В период формирования дела им припомнили все, что только можно было подогнать под статью об антисоветской деятельности: и участие отца Павла в движении «бурсылысь» (причем в деле он становится уже чуть ли не организатором этого движения), и совершение церковных треб на дому без разрешения сельсовета. Матушке Анастасии – в прошлом учительнице – были поставлены в вину ее беседы с молодыми девушками по вопросам элементарной нравственности и некоторые написанные ею стихи якобы «шовинистического характера». Дабы уменьшить себе работу, следователи НКВД «подшили» два дела в одно. В результате приходской священник и ссыльная монахиня были объявлены «террористической антисоветской группировкой», целью которой являлась религиозная пропаганда, а также агитация против выхода рабочих на лесосплав.

8 февраля 1936 года спецколлегия Северного краевого суда вынесла 48-летнему священнику приговор: «...лишить свободы сроком на 10 лет с отбыванием в лагерях НКВД».

ИЕРОДИАКОН (ИЕРОМОНАХ?) ПАВЕЛ (КОЗЛОВ)

В середине 1920-х годов иеродиакон Павел, когда-то в период белогвардейской оккупации избранный экономом монастыря и осужденный на 5 лет лагеря, вернулся из заключения. Как и многие другие монахи обосновался на родине – в деревне Кожмудор Усть-Вымского района. По-видимому где-то после революции иеродиакон Павел был рукоположен в сан иеромонаха – в делах о лишении избирательных прав и в уголовном деле его именуют «попом» – однако точных данных, подтверждающих это, пока нет. В Кожмудоре он служил в местной церкви, имел собственный деревянный дом. Однако особо долго послужить в новом сане не удалось. Деревни Кожмудор и соседняя с ней Сюлатуй по результатам летней сельхозкомпании 1933 года являлись самыми отсталыми в

районе, за что местным органам власти наверняка грозили крупные неприятности. Надо было срочно найти какое-то оправдание подобным результатам. И тогда, как и везде по стране, этим оправданием было объявлено действие антисоветской группировки.

10 ноября 1933 в Кожмудоре были арестованы 4 человека – отец Павел и еще 3 церковных активиста. Уже в сыктывкарской тюрьме, где надо сказать, священника содержали в одиночной камере, их объявили «группой антисоветски настроенных четырех человек», которая «...вела работу среди населения по срыву сельхозкомпании, в результате чего деревни Сюлатуй и Кожмудор являются самыми отсталыми в районе...» 25 января 1934 года для 53-летнего священника, разбитого пороком сердца и ревматизмом, вновь прозвучал уже знакомый приговор: «...направить Козлова... в концлагерь сроком на 5 лет. Срок считать с 23/11/1933 г.»...

ИЕРОМОНАХ ИОАНИКИЙ (ЛАТКИН).

О нем почти ничего не известно. В начале 1920-х годов иеромонах Иоаникий вернулся в родное село Корткерос Сыктывдинского района. С 1925 года исполнял там обязанности приходского священника, пока не закрыли храм. В 1937 году был арестован районным отделом НКВД. 78-летнему священнику вменили в вину сказанное однажды кому-то на рыбалке предположение о том, что «...колхозы вероятно скоро развалятся и советская власть на грабеже крестьян далеко не уедет». Припомнили ему и идею сбора подписей за открытие храма и точное определение советской власти как «антихристовой». Тройке НКВД вполне хватило этого, чтобы вынести приговор о заключении 78-летнего священника в исправтрудлагерь сроком на 10 лет.

* * *

После ареста в 1920 году «за контрреволюционную деятельность» большей части монахов в монастыре в числе избежавших заключения остались иеродиакон Зосима (Яборов), монах Африкан (Глебов) и монах Моисей (Туркин). Впоследствии, приблизительно в 1925 году, к ним присоединились еще двое: послушники Василий Васильевич Забоев и Николай Алексеевич Шучалин, с 1920 года отбывавшие 5-летний срок исправительных работ. Формально все они числились рабочими созданного в 1922 году Ульяновского совхоза (сельхозшкола к этому времени была переведена из Ульяново в Усть-Сысольск). Но именно не более, чем «числились»: за зарплатой в контору сами никогда не ходили – брали всегда столько, сколько дадут («сколько не жалко»). По этой причине очень часто всех заработанных денег не получали, и зарплаты хватало только на хлеб. Но, несмотря на это, работали всегда исправно и честно, сами будучи выходцами из крестьян.

Немало скорбей перенесли эти монахи за время своего жительства в совхозе. Вот что например было с монахом Моисеем Туркиным – бывшим монастырским плотником:

В самом начале 20-х годов выпало на его долю тяжелое испытание. Несколько раз наезжали в монастырь не то бандиты, не то представители новой большевистской администрации – никто этого точно не знает. Приезжали за золотом – тогда, в начале 20-х, многим еще мерещились спрятанные где-то монастырские сокровища. По-видимому приехавшие схватили первого попавшегося – им оказался монах Моисей, и устроили допрос, где спрятаны монастырские богатства. Бедный монах ничего не мог знать ни о каких богатствах, о чем неоднократно повторял бандитам. Но те, видно, не поверили на слово и решили «слегка припугнуть»: притащили отца Моисея в лесок за ручей, где уже заранее были вырыты две ямы, и, поставив его перед одной из них, указали на вторую. В ней лежало

что-то, напоминающее скорчившегося человека (как рассказывал потом сам отец Моисей, скорее всего свернутая телогрейка). «Ну вот, – говорили, – последний раз спрашиваем, где золото? Вон видишь, там один уже лежит. И ты здесь лежать будешь». Когда же монах в очередной раз повторял, что он не знает ни о каком золоте, его ставили лицом к яме, передергивали за спиной затвор винтовки и стреляли. В воздух. Можно себе представить состояние монаха после этого. А его водили так «на расстрел» трижды, все думали скажет. Но говорить было нечего, и в конце концов от него отстали. Но чего это стоило уже немолодому монаху (тогда ему было уже более 50 лет)! Несмотря на преклонный возраст, о. Моисей обладал большой физической силой и все еще быстро бегал. Бывало, дает отходящий пароход последний свисток, а он еще успевает добежать из монастыря до пристани – примерно 2 версты. Таким и запомнился монах Моисей местным жителям: маленький, плохо одетый, с немного кривоватыми ногами и пышной круглой бородой. И всегда и везде – бегом.

Бывший заведующий монастырской гостиницей монах Африкан Глебов – так же маленького роста, абсолютно лысый с пышной бородой – был прекрасным специалистом в области засолки и вообще заготовки продуктов на зиму. Несмотря на преклонный возраст – в 30-е годы ему уже шел восьмой десяток – не прекращал трудиться. Каждую осень руководил процессом заготовки продуктов на зиму, вместе с другими оставшимися братьями-монахами заготавливал сено. Бывало совхозные работники и не пускают его на работу – старик ведь совсем! – а все равно идет: семена подготовит, парники проверит. А капуста, которую монах сажал, давала полупудовые кочаны.

Иеродиакон Зосима (Яборов) хорошо разбирался не только в богослужении, но и во всех видах современной на те

времена техники. После закрытия монастыря он остался в стенах родной обители, став рабочим совхоза (что, быть может, было сделано не без благословения игумена Амвросия). Работал на перешедшей совхозу от монастыря паровой мельнице. В 1924-1925 годах – во время строительства в Ульяново электростанции – проводил свет в совхозе. Кроме того был отец Зосима хорошим кузнецом, лудильщиком и вообще мастером на все руки по части железа. Жил поначалу в северо-западной башне монастырской ограды, затем переселился в одно из подсобных помещений возле северной стены.

Досталось искушение и этому монаху: говорили в совхозе, что нарушил иеродиакон монашеский обет и женился. Местные пожилые женщины до сих пор помнят разговоры, будто и дочь у него родилась – жила в соседнем селе Деревянске (вот только в наши дни никто из старожилов Деревянска этого не подтвердил). Кто знает, как это было на самом деле: быть может, помогал монах какой вдове с малым ребенком, а местные сплетни уже исказили эту историю. Нам этого не известно.

После окончания Первой Мировой войны, в самом конце 1910-х годов, в монастырь прибыл демобилизованный солдат Василий Забоев. Говорят, что впервые он пришел сюда еще задолго до войны, уже в юношеском возрасте желая принять монашество, чего однако послужные списки монастыря не подтверждают. Василий Васильевич прошел всю Мировую войну, побывал в Польше, в Литве. Вскоре по его возвращении Усть-Сысольский уезд был занят белогвардейцами, вслед за разгромом которых на монастырь обрушились репрессии. В числе некоторых других насельников послушник Василий Забоев был осужден ревтрибуналом, и по истечении срока заключения вместе с послушником Николаем Шучалиным вновь вернулся в монастырь. Известно, какую картину они

застали в обители по возвращении. И, вероятно, потому как податься больше было некуда, оба, теперь уже бывших послушника, остались в Ульяново рабочими совхоза.

Местным жителям Василий Васильевич Забоев казался не вполне нормальным – бывало, путался в словах и тому подобное. Считали, что у него «не все в порядке с головой» по причине ранения либо контузии на войне. Тем более он казался странным от того, что имел обыкновение чистить туалеты и помойные ямы. Никто за это дело и браться не хотел, а он чистил без всяких на то просьб или приказов со стороны кого-либо. Бывало работницы совхоза, видя это, сморщатся: «Василий Васильевич, там же ведь грязь!», а он, опустив лопату, рявкнет: «Что, холерой заболеть хотите?» и продолжает свое дело.

Раз был случай. Пахал кто-то из местных рабочих, и заскрипел плуг. Василий Васильевич взял ведро и побежал на поле. Кто-то спросил его: «Куда бежишь, Василий Васильевич?» – «Да неужели не слышите, – отвечает, – плуг у кого-то скрипит. Помочь надо. Смазывать бегу».

Работал он в зерносушилке, в кузнице – куда поставят. Бывало, где работает, там и заночует.

Пять монахов прожили на территории монастыря вплоть до войны. На их долю выпала не менее тяжелая участь, нежели тем, кто попал в лагеря. На глазах этих последних продолжалось медленное разрушение обители. В период с 1929 по 1930 год советское правительство проводило политику изъятия церковных колоколов под предлогом нехватки меди для программы индустриализации. По этой причине с монастырской колокольни был сброшен самый большой колокол весом 16 тонн. Колокол был отлит в Ярославле и пожертвован Ульяновской обители неизвестными московскими благотворителями в 1904 году. В свое время собравшиеся из окрестных сел мужики полдня поднимали эту громадину на колокольню. А сброшена она

была в несколько мгновений. Падая, колокол разрушил выступающий из восточной стены колокольни алтарь церкви Зосимы и Савватия, при этом даже не получив трещины от удара. Затем, по некоторым данным, колокол был рассверлен в нескольких местах и разбит при помощи взрыва, а огромные куски еще несколько лет валялись на берегу Вычегды возле находящейся подле монастыря пристани. Впоследствии, уже ближе к войне, с колокольни исчезли и почти все остальные колокола...

В 1931 году было положено начало разрушению величественного монастырского Троицкого собора. Местной администрацией было принято решение приспособить его под общежитие для действующего на базе монастыря сельхозтехникума. Купола и кресты были демонтированы, а их место заняла крытая железом крыша. Но затем по какой-то причине эта затея была оставлена, и здание еще несколько лет стояло бесхозным. Уже после войны собор начали постепенно разбирать на кирпичи (благо они были скреплены известью, а не цементом) поначалу для местных нужд, а затем и для продажи. Кстати, впоследствии из приобретенного в Ульяново кирпича в селе Усть-Кулом была построена целая автостанция...

В 1935 году было совершено надругательство над монашеским кладбищем, кладбищем, где так и не был похоронен ни один мирянин. Кресты над могилами были снесены, а сами могилы сравнены с землей, на которой впоследствии -прямо над мощами усопших преподобных отцев – было устроено поле...

Приблизительно в 1938 году по указке директора сельхозтехникума была осквернена гробница игумена Палладия – четвертого от момента основания настоятеля Ульяновской обители, приемником которого и стал впоследствии игумен Амвросий (Морозов). Эта гробница находилась в часовне, расположенной в здании Троицкого

собора, с правой стороны от входа. Бывший тогда директором техникума Василий Огнев приказал студентам вскрыть склеп в надежде найти на груди монаха золотой крест. Когда приказ был исполнен и открыли крышку гроба, Огнев бросился на предполагаемое местонахождение золота. Однако, к своему великому сожалению, обнаружил на груди монаха-нестяжателя вместо золотого простой деревянный крест. Удивительно, что при открытии гроба тело игумена, пролежавшее в земле более 20 лет, по словам очевидцев, выглядело так, словно его только вчера похоронили. Однако при малейшем прикосновении рук не особо богобоязненной публики мощи рассыпались в прах. Не найдя желаемого, Огнев приказал перезахоронить останки на сельском кладбище примерно в двухстах метрах от монастыря...

Все это молча наблюдали 5 монахов-рабочих, уже привыкшие к беззакониям новых властей. Сами будучи унижены до предела, нашедшие приют в подсобных помещениях, незаметно для всех завершили они свое земное странствие: Уже ближе к Великой Отечественной войне, старцами умерли монахи Африкан и Моисей. Около 1943 года уехал в родное село Дон и умер там послушник Николай Шучалин. И уже в 1950-е годы, последними покинули этот мир иеродиакон Зосима и послушник Василий Забоев.

* * *

...Исправдом для заключенных, сельхозтехникум со студенческими общежитиями в братских корпусах и танцплощадками и клубами в церквях, психиатрическая больница – вот то, во что последовательно пытались превратить когда-то величественную обитель в годы безбожного коммунистического режима. Лишь в 1994 году полуразоренный монастырь был возвращен своей истиной владелице – Русской Православной Церкви.

Станет ли когда-нибудь возрожденный Троице-Стефановский Ульяновский монастырь вновь тем, чем он был для Коми края до революции – основным форпостом православия и духовности, несущих нравственное оздоровление погрязшему в пороках обществу? Смогут ли братья монастыря, как и прежде, в полном составе во главе с наместником-игуменом работающая день и ночь, если не приумножить, то хотя-бы частично возродить былую славу Святой Обители – гордости нашей северной земли? Ответ на эти вопросы можем дать своими действиями лишь мы – нынешние жители Республики Коми.

Игор

В КОЛЫБЕЛЬ ЗЫРЯНСКОГО ЖЕНС

едСреди кипучей деятельности, сри непрерывных забот при многосложности предприятий душа Афанасия Васильевича Булычева, известного в прежнее время парходчика, положившего , можно сказать, начало тому парходству, которое теперь процветает на севере, распространяя культуру в самых глухих местах, стремилась к Богу, стремилась к подвижничеству. Он мечтал о создании на свои средства монастыря, где бы ищущие спасения могли достигать его, не связанные узами мира и того, что в мире. Для зырян памятен тот день, когда в их краю появился первый парход и сам хозяин Афанасий Васильевич приехал в новые места. Зыряне сбежались смотреть на парход, как на нечто для них дивное. Афанасий Васильевич полюбил этот народ, познакомился с его настроением, увидел его тьму, нужды духовные и у него зародилась мысль об открытии монастыря именно для зырян, и притом женщин. Ее поддерживал покойный основатель Ульяновского Стефанова монастыря о. архимандрит Матфей, прибывший в зырянский край из Соловецкого монастыря с несколькими иноками. Мужчины

зыряне, желающие вести иноческую жизнь, имели возможность находить удовлетворение своей потребности души в Ульяновском монастыре. А для женщин зырянок не было соответствующего места. Для них и хотел Афанасий Васильевич потрудиться, для них создал св. обитель. Мысль о монастыре он долгое время скрывал, хранил ее от взоров людей любопытствующих, как святое и дорогое для него Божие внушение; он не открывал своего намерения даже родственникам. Сам же постепенно шел к заветной цели, покупал земли, приготавливал все необходимое. Со своими планами Афанасий Васильевич с течением времени стал делиться с высокочтимыми им людьми, например, о.Иоанном Кронштадтским. Последний во время посещений своих Двины при путешествии в родную Суру, подолгу беседовал с Афанасием Васильевичем, посвящавшего чтимого всею Россией батюшку в свои намерения относительно монастыря. Кронштадтский пастырь одобрял мысль предприимчивого человека и благословлял его дело, давая мудрые советы. Об одном более всего скорбел Афанасий Васильевич: будет монастырь, если Господь поможет, но святыни в нем не будет. Свою скорбь поведал он однажды, рассказывает дочь Булычева, о.Иоанну Кронштадтскому. “Будет”, решительно, как бы пророчески сказал ему батюшка.

17 лет тому назад заветное желание Булычева исполнилось. Открытие зырянского монастыря Св.Синодом было разрешено. Началась расчистка леса для постройки храма и келий. Вызваны были инокини из Троицкого Шенкурского монастыря Архангельской губернии для собирания сестер и управления новою обителью. Афанасий Васильевич избрал место для зырянского монастыря в глухом лесу - в суземе, вдали от поселков; самое ближайшее селение к нему - это Серегово, в 14 верстах. Только пернатые оглашали своим пением те леса, где Бог привел поселиться сестрам,

пришедшим сюда по любви ко Христу, да медведи в большом количестве бродили по лесу, не тревожимые никем.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы это место было совсем безвестное; нет, в глубине леса в 18 столетии здесь жид подвижник Василий Пестерев, который, поселившись на берегу речки Кылтовки, занимался ловлею рыбы и водрузил у своей избушки большой деревянный крест. Перед ним он в тишине уединения проливал свои молитвы ко Господу. Окрестные жители чтили пустынника, чтили св. крест, перед которым, попадая в лес для рыбной ловли или охоты, молились. Господу угодно было, чтобы на сем месте, ознаменованном молитвами богомольцев, явилась св. обитель.

Тяжело пришлось первым насельницам. Страшные вихри с завываниями ветра, соединявшимися с воем волков, тридцатиградусные и еще сильнейшие морозы приводили в смущение сестер, живших в городском Шенкурском монастыре и приехавших в лесную глушь. Отсутствие богослужения на первых порах было тягчайшим лишением для сестер, а в нем бы они могли найти для себя великое утешение.

Но пережита тяжелая зима. Настала весна. Ожила природа. Началась расчистка земли, обработка наиболее удобных мест. Осветили и деревянную временную церковь. Среди леса в небольшом храме слышались священные песнопения иночествующих.

Строитель обители Афанасий Васильевич конец жизни своей провел в подвиге поста и молитвы, приготавливаясь в Соловецком монастыре к принятию иночества после долголетней кипучей деятельности. Он мечтал по пострижении и посвящении в сан иеромонаха посетить свою начинающуюся обитель, послужить литургию в храме, благословить сестер на иноческие труды. Но заболел. И на

одре болезненном его постригли в монашество с сохранением прежнего имени Афанасий. О своем постриге и приближающейся кончине инок Афанасий сообщил сестрам с просьбою помолиться о нем. Материально он обеспечил монастырь духовным завещанием, передав свои планы относительно дальнейшего устройства монастыря своей дочери, поручив ей исполнить его волю.

Между тем благодаря управлению мудрой и опытной игуменьи м.Филареты, уже почтенной старицы, обитель стала быстро развиваться и расти, приобретая известность среди не только окрестного населения, но и в отдаленных местах епархии. В обитель потекли девицы, жаждущие спасения. Матушка игуменья мудро умела использовать знание тех ремесел, которыми занимались девушки дома. Вот приходят в обитель девицы из сел, расположенных на берегу реки Виляди, умеющие разводить лен и обрабатывать его. Засеялись монастырские поля льном. Монахини, уроженки архангельские, знакомые ткацким делом, стали учить ткать полотно, настолько хорошо, что оно мало в чем уступало фабричному; явилась ткацкая, где стали работать салфетки, половики и проч. весьма красивых рисунков. Пришел из Сысолы помолиться в монастырь крестьянин, умеющий делать глиняную посуду, вблизи монастыря оказалась хорошая глина. Сестры научились делать посуду. Явился гончарный завод. Ученицы вскоре превзошли в умении своего учителя терпением и практикой, так что он сам приезжал у учениц перенимать ему неизвестное ранее. Чего не делают сестры на своем гончарном заводе, даже предметы, которые могут быть украшением порядочного дома в городе.

Все сестры обители живут на полном общежитии; причем новые насельницы принимаются после предварительного серьезного испытания их способности к монастырской жизни. Замечательная перемена во всех отношениях к

лучшему происходит в крестьянских девушках, зырянских и русских, пришедших в обитель, когда они проживут в ней несколько лет. И прежде всего они делаются все грамотными. Как то легко удается им научиться читать.

В Крестовоздвиженском монастыре за воскресным и праздничным богослужением поют все сестры, в том числе и рабочие. Матушка игуменья приучила их петь. “Ведь устанут они, работая целый день, говорит она, пожалуй за всеобщим бдением и задремлют; вот и поют они, бодрые и молятся усердно”. Замечательные напевы в этой пустыни. Некоторые молитвословия поются весьма заунывно, невольно трогая сердце и вызывая на глазах богомольцев слезы.

Только не было святыни, каковая является необходимою принадлежностью каждого монастыря. О даровании ее молились сестры обители. И исполнилось заветное желание игуменьи и сестер. Что естественнее было иметь в монастыре, основанном в память Воздвижения Креста Господня, как не частицу Животворящего Древа, на котором был распят Господь, которое сделалось предметом благоговейного поклонения всех христиан. По старанию игуменьи, за молитвы сестер обители, иноки св. Афонской горы прислали в благословение новоустроенной обители великую святыню:

2-х аршин вышины икону Воздвижения Креста Господня прекрасного письма, а в ней частицу Древа Господня с частицами св. мощей муч. Трифона, Космы и Дамиана и Феодора Стратилата. Предположено было святыню принести в обитель с особенною торжественностью. Для миссионерского воздействия на все окрестное население решено было устроить крестный ход со святынею до монастыря от с. Усть-Выма на протяжении 36 верст.

5-го июня на пароходе из Вологды сопровождать святыню Крестовоздвиженского монастыря отправился

епархиальный миссионер архимандрит Неофит. Путь лежал через г.г. Тотьму, Устюг, Сольвычегодск, Яренск. Пассажиры во все время пути с благоговением относились к святыне; в зале 1 класса отправлялись молебны, по просьбе пассажиров, особенно же сильно усердие их стало проявляться, когда пароход вступил в пределы зырянские. На торжество встречи св. иконы стекались жители г.Устьсыольска и Яренска, шли пешеходы из отдаленных мест.

Утром 9 числа пароход, на котором находилась икона, стал приближаться к Устьвыму. Издали с.Устьвымь кажется городом, в нем четыре каменных храма, высокая, стоящая отдельно от них на горе колокольня, по горам расположено село с несколькими улицами.

С колоколен храмов разносился торжественный звон колоколов при приближении к нему парохода, на котором находилась святыня. С парохода еще издали виднелась на берегу темная полоса - это толпы народа, собравшегося встречать св. икону. По мере приближения парохода к пристани в этой толпе стали выделяться золотистые хоругви, иконы в ризах, священнослужители в золотых облачениях, ряды инокинь. Они со слезами радости приняли с парохода св. икону и понесли ее при стройном пении в Благовещенский храм. По окончании литургии, чтобы все богомольцы, не вошедшие в храм вследствие тесноты, могли удовлетворить свои потребности помолиться перед святынею, совершено было молебное пение на площади у церкви; тут же народ с благоговением прикладывался к святыне.

После краткого отдыха крестный ход со св. иконою отправился к Серегову. До с.Серегова от Устьвыма 22 версты. Сначала путь лежал через деревни. В каждой деревне, у крестов, которых в зырянском крае очень много, делались остановки, служились краткие молебны, читалась

молитва над приносимыми хлебами, которые в благословение раздавались жителям весей. Пели монашествующие. В каждой деревне по окончании молебствия архимандрит говорил поучения на разные темы по вероучению и нравоучению христианскому, о св. Троице, бессмертии души, о храме, о праздниках. Тихо шумели вековые сосны и ели, как бы принимая участие в торжестве народа; пернатые оглашали лес пением, как бы вторя пению священных песнопений монахинями, проявившими такое усердие, что звуки песнопений не прерывались всю дорогу от Устьямыа до монастыря. Шли быстро. Незаметно было утомления среди паломников. Пение окрыляло дух и поддерживало энергию. За версту от с.Серегова святыню с крестным ходом встретил Сереговский причт. Встреча произошла на высокой горе, откуда открылся дивный вид, с одной стороны, на село, с другой, на массы народа, стоящего на горе и под горой. Тут было еще больше народа, чем в Устьяме. Невольно хотелось от сердца сказать этим богомольцам поучение, как жить, как душу спасать. Был одиннадцатый час ночи, белой северной ночи. Перед нами - море голов... Около полночи крестный ход со святынею вступил в величественный Сереговский храм. В Серегове солеваренный завод Булычева, основателя Крестовоздвиженского монастыря. Здесь жители русские, прибывшие из разных мест, как в центр промышленности. На них несколько отразилось влияние т.н. освободительного движения. Впрочем, сереговцы любят храм. За заутреней и литургией на следующий день, совершенной соборе архимандритом Неофитом при пении монастырского хора, было много народа.

Еще с утра многие богомольцы стали перебираться на пароме через р. Вымь на другой берег, на котором находится Крестовоздвиженский монастырь, отстоящий от

Серегова в 14 верстах. Когда по окончании литургии крестный ход подошел к реке, противоположный берег был запружен народом, одетым по праздничному; полоса народа растянулась по всему берегу, на котором расположены постройки завода. Священнослужители с иконами и народ вступили на паром. Медленно и плавно двигался паром при пении на обоих сторонах реки и при горячих молениях народа. На том и другом берегу виднелись коленопреклоненные люди. Слышалось всюду: Спаси Господи люди твоя. Были дивные минуты. Невольно проникали в душу представления, как проповедовал в этих местах свят. Стефан, как шел он по р. Выму, как ненависть и злобу побеждал любовью, кротостью и смирением. На берегах Выми он встретил особенное противодействие. Тут господствовал пама; в 4 верстах от Серегова, где находится теперь Ляльский храм, имел пама свое местожительство. Все ему покорялись. Но о язычниках теперь забыто. Чувствовалось, что св. Стефан и его преемники духовными очами своими созерцали то, что совершалось теперь, созерцали с радостью и молились за людей, сошедшихся на торжество веры. И от лица священнослужащих и народа с берегов реки несло хвалебное пение святителю. Казалось, сама природа разделяла торжество народа. Давно невиданное вследствие пасмурной погоды солнце бросало свои лучи на процессию. По переправе через реку предстоял 14-верстный путь лесом. Этот путь был очень утомителен. Солнце сильно пекло. Попадет ручеек на пути - и богомольцы бросаются к нему, чтобы утолить свою жажду. Чтобы несколько поднять бодрость путников, предложено было им петь знакомые песнопения. Одна зырянка рассказывала потом: “вот батюшка то и сказал: пойте все, а улица то как завопила: Богородице Дево радуйся”... К сожалению зырянский народ еще не приучен к общему пению. По мере приближения к монастырю стали показываться небольшие группы людей, идущих на встречу

святыне. В версте от монастыря есть часовня с крестом и колодчиком. Тут ожидал св. икону крестный ход из монастыря. Блестели на солнце хоругви, золотом отливали ризы священнослужителей, группа инокинь пела церковные песни. Миг - и сошлись ходы. Слезы умиления падали из глаз иночествующих, после томительного ожидания получивших возможность увидеть и облобызать св. икону. Возгласы, эктении произносились с особенною силою и благоговением. Один из встречавших священников о.В.Яхлаков произнес речь, выяснив значение настоящего торжества обители. Медленно двигался крестный ход. Лес поредел. Перед глазами богомольцев открылся монастырь. Он расположен под горой, как бы в котловине. Прежде всего бросились в глаза высокие кирпичные стены обители; около них изгибаясь струится небольшая речка Кылтовка, стены окаймлены зелеными соснами и елями, внутри стен - направо маленькая деревянная церковь, налево блестят золотые кресты и звезды на белой главе нового каменного храма; там большой бледножелтый корпус сестер. И все это выросло в 17 лет, выросло в суземе - в глухом лесу. Здесь приносится Жертва Безкровная, здесь совершается спасение людей, пожелавших отдать свою волю и в тиши уединения ведущих борьбу со грехом через внимание, молитву и труд, труд усердный и постоянный.

Святыня в храме. Она поставлена на место, вблизи царских врат. Кончен продолжительный путь. Архимандрит пригласил присутствовавших возблагодарить Господа за благополучное окончание пути, призывая помолиться за братьев - иноков афонских, даровавших святыню, к которой да притекают сестры всегда, особенно в минуты скорби, каких в жизни бывает не мало. Скорби Господь посылает за грехи наши для вразумления, для очищения и исправления жизни. Подвижники нам заповедали: принимайте скорби, как дорогих гостей. Не трудно переносить скорби, каких в

жизни бывает не мало. Скорби Господь посылает за грехи наши для вразумления, для очищения и исправления жизни. Подвижники нам заповедали: принимайте скорби, как дорогих гостей. Не трудно переносить скорби верующим, ибо Господь Крестonosец, сам искушенный может и искушенным помочь, подкрепить, поддержать, не дать упасть. В монастырь богомольцев пришло очень много; все они нашли приют и трапезу; по билетикам было накормлено на дворе до 800 человек.

Празднество в честь принесения иконы Воздвижения Креста в монастыре совершалось 12-го июня. Оно началось накануне, отправлением всеобщего бдения. Пели все сестры обители, молилось много и мирян. Служили соборно. Церковь сияла свечами; была украшена искусственными прекрасно сделанными цветами, даже здесь в этом северном глухом уголке на икону был возложен из живых цветов красивый венок. Лития совершалась вокруг храма, по киевскому обычаю, который весьма понравился богомольцам. Шестопсалмие, равно и канон читала сама матушка игуменья, 78-летняя старица, звонким, мелодичным голосом весьма громко, отдельно и с большим чувством. Во время кафизм архимандрит произнес поучение с церковного крыльца о том, чему учить всех, а особенно монашествующих, жизнь многострадальной преп. Анны Кашинской, годовщина прославления св. мощей которой в тот день праздновалась. Вся служба с литии и до конца совершалась на свежем воздухе. Беспокоили комары, но говорят, сравнительно с тем, что обычно бывает, мало. Воздух был напоен ароматом смолистых деревьев, несшихся из окружающего монастырь соснового великолепного бора.

На утро совершалась поздняя литургия. Пели все сестры, даже нотную Херувимскую исполняли вместе с клиросными и рабочие. Во время малого входа ради

усугубления торжества пострижены были в рясофор две послушницы, причем обряд пострижения произвел на богомольцев необыкновенно сильное впечатление. В конце литургии было сказано поручение. Кроме благодатного врачевания и утешения от частиц Древа Господня и св. мощей мучеников св. икона Воздвижения Креста многому поучает нас. Он есть лестница к небу. Крест состоит из двух древ: продольного и поперечного, вот основание лестницы к нему, прикладывайте к сим основаниям ступени - смирение, кротость, искание правды, милость, терпение и другие добродетели по заповедям блаженства и вы достигнете неба и скажет Господь трудникам: внидите раби в радость Господа своего.

Дай Бог, чтобы колыбель зырянского женского иночества сделалась рассадником его и процветала на благо духовное не только зырянского края, но и по всей церкви русской.

Архимандрит НЕОФИТ.

(Из N18 Вологодских Епархиальных Ведомостей 1911г.)

“О ЧЕМ СКОРБЕТЬ, О ЧЕМ КРУШИТЬСЯ...”

Полтора-дваста лет назад на берегу речушки Кылтово спасался старец-пустынный Василий. Возле его кельи стоял большой деревянный крест. Умер старец. А через время нашли охотники недалеко от его пустыни небольшой крест, отнесли его в церковь села Серегово. Но исчез крест из ризницы церкви, обнаружили его вновь на прежнем месте в лесу. Вот тут-то как раз и построили в 1894 году часовню, рядом с которой вырос Кылтовский монастырь. В часовне этой хранился и

обретенный крест, и тот большой крест, которому молился отец Василий.

О чем страдать...

Впервые в Кылтово я побывал пять лет назад. Долго мы тогда выпрашивали, выискивали то малонакатанное ответвление от шоссе Сыктывкар - Емва, которое и привело в поселок, выросший более ста лет назад вокруг Кресто-Воздвиженского женского монастыря. В годы дореволюционные вела сюда ровная, как стрела, трасса, шестнадцать ее километров размерялись прочными верстовыми столбами, завезенный неведь откуда щебень был плотно утрамбован, дно придорожных канав выстлано кирпичом, через каждый ручеек переброшены мостки с резными перилами. А над Емаольским болотом тянулся прочный 120-метровый путепровод. От той дороги остались рожки да ножки - фрагменты. Вот и стоит, разинув рот, грибник из Сыктывкара, который, оставив "жигули" на обочине, вошел в глухоманную парму, вдруг да наткнулся на мостик-игрушку, будто перенесенный из Гатчины или Петергофа. Но за небрежением властей и мостик тот, и та дорога, строенная купцами Булычевым, Камбаловым да Микит-Пашем (Козловым), заросла кустами, глухой дерниной. А к прежнему монастырю добираются долгой, от самого Ачима кружной, разбитой лесовозами, в ямах и рытвинах, дорогой. Выводит она к разбитому же монастырскому подворью. Только красно-кирпичный высоченный, в два света, собор, донельзя загаженный изнутри, заполненный трехэтажными нарами, на которых в 30-50-е годы жили зэки, стоит непоколебимо прочно, и маковка на главном соборе сидит крепко же, а вот полутораметровой толщины стены монастырские напрочь разбиты бульдозерами, хозпостройки частью сожжены, частью разобраны, в прежних кельях живут люди семейные... Налеплено в поселке щитовых домиков,

сараюшек, дощатых хлебов, фанерных времянок - тьма. Прилепились они к основательным монастырским строениям, словно ветхие заплаты к крепкому монастырскому рубищу.

Сколько писалось, что в обителях жили ленивые, не умеющие трудиться. Не знаю уж, откуда брали такие факты. Хозяйство Кылтовского монастыря было, говоря нынешним языком, рентабельным. Инокини выращивали столько зерна, овощей, что хватало и на прокорм, и на продажу. А кроме того плели корзины, делали горшки, резали ложки... В 1914 году у монастыря имелось четверть миллиона рублей в наличности. Корову тогда отдавали за полтора рубля. Нынешние рабочие Кылтовского отделения совхоза "Железнодорожный" хронически сидят на дотации. Зимой сидят в буквальном смысле, без дела. А что же ложки, горшки, корзины? А зачем хлопотать, если какие-никакие, а дотации сельхозпроизводству все равно выделяют.

Долго мы расспрашивали жителей Кылтово об истории монастыря. Но и двух слов о его прошлом не могли сказать жители поселка. Дело в том, что здесь живут только пришлые люди: приехавшие по вербовке, сосланные, осевшие здесь после отсидки в упраздненном лагере, направленные сюда по распределению... Ни одной монахини на территории поселка не осталось. Говорят, жила в поселке женщина, которая в прежние годы, еще девочкой-несмышленьшем приезжала сюда на богомолье (в 30-е годы переехала сюда окончательно), но где та женщина - никто не знает. Неудачная получилась поездка в Кылтово.

В давней публикации в районной газете, выходившей в Емве, сказано, что в ответ на национализацию в 1918 году монастыря ее игуменья Ермогена "пустилась на хитрость - объявила монастырь женской сельскохозяйственной общиной. И благодаря этому монастырь просуществовал вплоть до 1923 года".

А потом все же монастырь разогнали. Куда же девались ее обитательницы? Трудно проследить их судьбу. Но наверняка можно сказать, что несладко им пришлось при советской безбожной власти. Вот инокиня Евдокия жила в семье Сорвачевых, в Тентюково. Тихо жила, не мешалась в политику, редко вообще выходила из дому. А в 1937 году пришли за ней чекисты. Впутали ее в дело о так называемой “Священной дружине”, дали 70-летней женщине 10 лет лагерей. И сгинула раба Божия Евдокия.

Большинство же монахинь, опасаясь больших городов, осело в глухих деревушках. Игуменья Ермогена, а с ней еще восемь инокинь, выбрали для жительства село Половники. Жили трудами рук своих, старались не мозолить властям глаза, потихоньку молились. Пришло время колхозов. Подали сестры во Христе заявление в колхоз. Но им отказали в приеме. Крошечный огородик возле избышки, ягоды, грибы - вот чем жили женщины. Да шили стеганные одеяла на продажу. Творили молитву, блюли посты, по первому зову приходили на помощь страждущим... И хвалили Бога за то, что послал им испытания.

Рассказывают, что лет 15 назад по реке Кылтовке плыл большой крест. Житель Половников заметил его, привязал к лодке, отбуксировал в деревню. Откуда взят кресту? Не из разоренного ли монастыря приплыл? Пригласили монахинь. К тому времени остались в живых только игуменья Ермогена да сестра Анна. Пришли они, посмотрела игуменья на поднятый из воды крест, и сказала: - За мной прислали. Умру скоро. А крест этот поставьте на мою могилу.

И вправду: вскоре преставилась игуменья. Когда старушки обмыли ее, нарядили в черное, давно приготовленное, смертное платье, то морщинки на лице матушки игуменьи разгладились, лицо просветлело и помолодело: лежала в гробу истинная невеста Христова.

Лежит она на кладбище под крестом, неведомо откуда приплывшем.

(Продолжение).

Ольге Александровне Фатеевой (урожденной Кропалевой) шел уже девятый десяток, когда, узнав ее адрес, приехал к ней в Мадмас настоятель Свято-Вознесенского храма в с. Иб о. Трифон. В самом начале жизненного пути ей привелось жить в Кылтовском монастыре. Вот воспоминания о той поре.

* * *

Меня, трехлетнюю сироту, приютил Кылтовский монастырь. Там много было сироток. Но все были постарше меня. Ко всем было одинаковое строгое отношение. Молились, постились. А уж работали-и-и... В четыре утра вставали. Первой поднималась дежурная. У игуменьи благословенье получит и идет по коридору, в колокольчик звонит: “Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. Время пения и молитвы час”.

В пять лет меня взяли петь на клиросе. Регентшей была матушка Нектария, при ней 12 певчих. Ах, как запоем: “И душа моя исполнится и живот мой приблизится...” Всю псалтырь наизусть знала, 150 псалмов в уме держала. Как-то в ризницу послали, а я долго не возвращаюсь. Матушка Нектария посылает послушницу: “Разбуди ее. Спит, поди, на мягких ризах”. А я книгу новую нашла и оторваться не могу.

- Что делала? - строго так спрашивает монахиня.

- Прости, матушка, зачиталась.

- Да не уж ты читать можешь? Эко диво.

Никто ведь не учил - самоучкой грамоту освоила. А уж книги любила-а-а.

* * *

Послушание мое, помнится, словно житие райское. Отношения-то все хорошие, все такие-то ласковые. Но строгие. И никогда не ссорились. Не только клирошанки, но и на скотном дворе (там ведь тоже монахини рясофорные). Там-то нравы грубые, народ бывал невоздержанный, а к монашке и на скотном дворе грязь не пристанет. Как-то матушка Еванфия послала меня, маленькую, в столовую: поди, принеси селедочки. Я пошла. Обрато-то бегу, а сама все - скок да поскок. Селедка-то у меня с тарелки и упала в песок. Я уж оттирала ее от песка, оттирала. Одни косточки старенькой монахине принесла. А та, кроткая, жалеет меня:

- Не плачь, Олюшка, а иди-ко вымой в ручейке рыбы косточки, я их хоть пососу. Ох, грешница, люблю я селедочку.

Капитолина, монахиня мантийная, как-то из леса возвращалась. И тут медведь навстречу вышел. Остановились друг перед другом. Капитолина и говорит:

- Ой, медведюшко, не тронь, пропусти меня. Угостись моей ягодой, батюшко.

И корзинку с малиной подает. Пропустил ее зверь. А назавтра нашли ту корзину пустой. На вишерских полях это было.

* * *

Был такой старичок-богомалец. И летом и зимой босиком ходил. И вот стоит на паперти перед молебном, всем что-то показывает, в тряпочке что-то. А никто и не смотрит. Перекрестятся, да и идут себе. И мне показывает: в тряпочке у него мох, а по мху полным-полно муравьев ползает. Все бегают, работают. А старичок спрашивает:

- Видишь, как они работают все в одной кучке?

- Вижу.

- А сейчас?

Он тряпочки развернул, мох отряхнул и выбросил. Муравьи-то, черные, словно рясофорные, так и поползли в разные стороны, и стала пустой тряпочка.

* * *

Матушка Александра ехала в Почаев, ее убили в поезде. Была бы в мирском - не тронули. А монахов каждый мог обидеть. За это от властей благодарность давали.

А вот рясофорную Елизавету (Ярыгину), в Кошках она жила после монастыря, расстреляли. И матушку Александру расстреляли.

Священником в монастыре был о. Вячеслав. Когда прогнали из Кылтово, стал служить в Серегово. Там церковь разбили. Потом в Кошках служил. Когда обновленчество стало, он отказался служить. Его и забрали, забрали надолго. Матушка Елизавета (жена) жила у чужих людей в Айкино. Когда священник вернулся из лагеря, пришел к жене, то его не пустили на квартиру, говорят: тесно. Он в лесу к сосне прислонился, так к утру и умер.

* * *

Когда началась вся эта смута, Дунюшка (была в монастыре такая блаженная) говорит:

- Ой, девки, кадки-то готовьте, много-много готовьте - воды-то сколько понадобится, церкви да монастыри освящать.

Ее никто не слушает, толкают юродивую, все торопятся спрятаться от “чрезвычайки”, которая, слышали, опять едет.

* * *

Чем запугать, чем пригрозить могла власть жестокого “кесаря” человеку, от всего отказавшемуся? Монахине? Лишения были в радость, мучения - во благо, сама жестокая смерть-Аллилуйя. Вот лежат передо мной ветхие, потрепанные на сгибах, тетрадные листы с переписанными

молитвами, псалмами... О жизни монахинь в советское время - рассказ еще впереди...

(Окончание).

Через два года исполнится сто лет со времени открытия Крестовоздвиженского женского монастыря в Кылтове. А спросишь сейчас старожилов Княжпогостского района - мало кто про него скажет.

...Есть в Емве свой краеведческий музей. Два дня пытался я попасть в его залы, но все натыкался на замок. И только по просьбе заврайотделом культуры музей открыли. Прошелся я по комнатам - все, как в любом раймузее: сундуки и туеса, жбаны и сарафаны, фото молодежи в буденовках и письма фронтовиков... Отражены и годы репрессий: висит фотография репрессированных врачей - космополитов, есть снимки рядов колючей проволоки на месте прежних “командировок”.

- А по Кылтовскому монастырю экспонатов нет, - разводит руками директор музея, и добавляет, - к сожалению.

И это ее “к сожалению” заставляет меня опубликовать список (конечно, далеко не полный) насельниц женской обители. Надеюсь, список этот продолжат музейщики.

Вспоминает О. А. Фатеева:

- Филарета, игуменья; Нектария - это регент; Антонина; Мартемьяна - казначеем была; Августа; Савватия; Зосима - она свечами торговала; Ольга - кухней ведала; Евдоксия; Матрена - это была просфирня; Анисия; Ермогена; Таисия; Капитолина - золотошвейной мастерской руководила. Анна и Наталия Байбородины, в послушницах, кажется, были. Они деготь гнали, скипидар делали из больших смолистых пней. Анюта - келейница. Елена пела на правом клиросе. Александра (мы ее звали “Саня Вымская”) - она саваны разрисовывала. Мария и Текуса иконы писали, им помогала Мария... Помню, как пашни расширяли. Лес-то срубят,

убирать его надо. Лежит лесина в низине, к ней веревку привяжут и ну, вверх тянуть. За веревки-то схватится целое войско чернорясов и вот самая голосистая заводит: “Золоты наши ворота, да не хватает нам народа! Эй, ухнем!”

И, гляди-ко, поволокли наверх тяжеленную елку.

Помню, были послушницы Маня, Поля, Руфина и Паша - Бушуевы фамилия их. У них мама умерла, а отец дочерей отвез в монастырь женский, сам постригся в Ульяновском монастыре.

В 1923 году, закрывая монастырь, большевики станут трубить в газетах: чекисты - лучшие друзья детей, монастырские покои отдали беспризорникам. Но, как вспоминает О. А. Фатеева, беспризорных детей привезли не так уж много, пожалуй, побольше детей выселили из обители вместе с монахинями, т. к. это были не те, это были идеологически зараженные дети. Другое дело беспризорники: души их- суть пустые страницы, так что пиши на них большевистские безбожные письма: все примут неокрепшие души, не запротестуют. Ту же О. А. Фатееву, с трех лет сироту, спасли от бездомности и неприкаянности, от гибели - в монастыре. И она вспоминает, что кругом были десятки таких сироток.

Жизнь в монастыре - не мед. И днем, и ночью тут работают. У монахинь ведь и присловье было: “Вся-то жизнь - хлопоты да работы”.

Эти слова приписывают святому Димитрию Ростовскому. Ну а коль такова жизнь, то сызмальства надо к ней готовиться. Вот и вспоминает Ольга Александровна:

- Меня, маленькую, долго на руках таскали, слабенькой принесли в монастырь. Пока крепко на ногах не ходила, то положат около матушки Зосимы, которая свечки продает, так у нее под лавочкой и лежу. Все же под приглядом. А побольше стала, и пошла по мастерским: то соломку вяжу -

это для мастериц, которые всякие игрушки делают, то золотошвейкам помогаю, то шерсть мотаю - это в ковроткацкой, то в ризнице - принеси, унеси,- на посылках. А как лето, меня, совсем крохотную, на лошадь посадят - боронить. Ой, как трудно сидеть на солнце-то! А зимой-то, зимой воду надо таскать с речки в бак. А ведра такие узкие да высокие, а бак уёмистый, бух да бух в него, а потом заглянешь снизу: уж не протекает ли бачище? В пять лет взяли меня на клирос петь. Тут-то уже полегче. Хорошо я пела, клирошенки хвалили: “Быть тебе, Олюшка, регентом”. А я уж стараюсь, соловьем заливаюсь. А вечером самоварчик рясофорные вскипятят, сидят подолгу, на блюдечки дуют. Лампа керосиновая на столе горит, а мы - на ящике (ящик в дальнем темном углу столовой) с подружками-малолетками шушукаемся. Катя, она ложки, с рыбкой на кончике, делала, да Поля с Маней. Все-то и радости: поболтать да посмеяться вечером, пока матушки чай пьют. А зато в праздники - ликование. Крещение. Ой как холодно стоять у проруби-то! И так долго поется, так служба тянется, зачоченеешь вся. А все равно любила этот праздник. А уж Рождество! Делали такую большую звезду и шли сиротки по монастырю. Перво, идешь к матушке игуменье, потом к матушке казначейше, потом к матушке благочинной... И все-то подарками оделяют. Пряник, помню, игуменья дала: большой такой олень рогатый, а сладки-и-ий.

Вот еще штришок из воспоминаний. На именины матушки игуменьи связала носки, да не шерстяные, а гарусные, мягкие-мягкие. Всего за день управилась воспитанница. Семилетняя.

- Мне уж было лет, может, восемь. Колю я дрова во дворе. Вдруг военные, да с пулеметом в монастырь входят. Топ-топ- топ, маршируют к игуменье в покои. Вдруг пулемет со стены: та-та-та... А игуменья, матушка Филарета,

старенькая уже была. Когда они, не спросясь, вошли к ней, да стали хватать все, что ценное, она так сознание и потеряла. Лежит, а эти тащат все из покоев, на подводы грузят. А потом церковь запечатали, кладовую запечатали, мастерские - тоже, и промыслы, и кузню... Через месяц матушку Филарету похоронили у алтаря церкви Зосимы и Савватия. И что ни день - чрезвычайка едет, штыком грозит. В покоях игуменьи полы вскрыли, стены, кафелем обложенные, взломали, печи ломали - все золото искали. Ходили, выбирали иконы. Не церемонясь, понравившуюся срывали со стены, кидали в общую кучу. Куда их увезли - никто не знает. Умерла матушка Нектария. Трудницы, а с ними и послушницы, побежали из разоренной обители. Ни еды (все склады под пломбой), ни работы (мастерские-то на замке), ни благолепного пения во время службы... Все разваливалось, рушилось. Как мор напал на стариц, вчера еще крепких, истовых богомолков, авторитетных наставниц - одну за другой несли их на кладбище за Каменный ручей. Там в специальной ограде хоронили мантийных монахинь. А дальше - хуже: из обители побежали монашки рясофорные. Вовсе уж дело неслыханное - иные подружились с разорителями обители, матерщинниками, бесстыжими и нахальными. Ольга Александровна и сейчас, почти через 70 лет, не может простить тех, кто повернул свою судьбу уж очень круто:

- Настя Никулина нехорошая была, монахиня рясофорная, а пошла с военными. С ними уехала. Про нее и писать-то не надо. Мария Жилина с военными уехала. Грех-то какой, а она ведь писала иконы.

Потом и оставшихся разогнали. Навзрыд плакали, уходя из обители, но, смиренные, против власти кесаревой не бунтующие, побрели в разные стороны дряхлые старухи из богадельни и маленькие послушницы-сиротки, да те

монашки, что от обета не отказались... “Прощай же, обитель святая!” Далек путь.

А в монастыре организовался детский самоуправляющийся городок. Беспризорная шпана хозяйничала без присмотра. В одночасье сгорела деревянная двухэтажная церковь Св. Стефана. Вразнос пошли мастерские, запустели пашни, пали “удорки” - удоистые, завезенные с Удоры, коровы, пропала “Сенюшка” - породистая кобылица, еще жеребенком привезенная из заморских краев...

Ревкомовцы да чекисты начали поиски монашеского золота, с жаром продолжила их малолетняя вольница. Перерыли, перекопали всю землю во дворе, поотрывали доски, простукали стены. А уж когда нашли наспех закопанные последними монашками самовары и медные тазы, то словно бес вселился в каждого - копались в навозе, перелопачивали глину, привезенную для гончарной мастерской, рыли ямы в подвалах, поотрывали кровельное железо. И с тех пор “бес кладоискательства” так и не покидает Кылтово. То в одного вселяется, то в другого - и по сию пору ищут там сокровища.

...По разному сложилась жизнь обитательниц монастыря. Иные обет девства нарушили - замуж вышли, детей нарожали, жили по городам да поселкам Коми, не особенно-то высываясь, зная, что их монашеское прошлое “где надо - известно” и, при случае, про него могут крепко напомнить. А тем, кто держал обет, пришлось претерпеть лишения. Матушку Александру, матушку Елизавету расстреляли, многие прошли через тюрьмы и лагеря.

Та самая Саня Вымская, монахиня Александра, после разорения обители прошла обычный путь: допросы, камеры, лагерь... А где-то в послевоенные годы приехала на родину в село Турья. Зажила на отшибе, в избушке-развалюхе. Черная одежда, глухой плат на голове, вечно опущенный взор, - идет по селу строгая, отрешенная. К такой

обратиться боязно. Но люди, ее знающие, подходили без опаски:

- День добрый, матушка!

В деревнях по всей Выми от Княжпогоста аж до Ветью хорошо знали ее, приглашали отпевать покойников, приезжали к ней за советом. И известна она была тем, что изготавливала венчики, разрисовывала погребальные саваны. Она была единственной такой умелицей по всей Коми. Так уж повелось исстари - люди пожилые устанавливали нравственный уровень жизни села. Как бы ни внедряли новые обычаи приезжие горожане, а жители слушали не столько их, сколько своих стариков да старух. Для тех же нравственным камертоном была Олександра. Упрека в ее взгляде боялись, слезного сожаления о греховном поступке.

Вот была рясофорная Анна. Ей дали 8 лет лагерей. Когда отпустили, то приехала в Серегово, к монахине Августе, та уже слепая была. Жили два инвалида. Августа умерла, Анну отправили в Сыктывкар, в инвалидный дом. Священник кочпонский привез ее к своей прихожанке, погостить. Через три дня ей возвращаться - и она так испугалась этого, что от испуга заболела и умерла. Было это лет 15-20 назад.

Группа монахинь во главе с игуменьей Ермогеной, мы уже писали, сторговали домик и жили скитом в Половниках. Но именно это-то и не нравилось властям. Чекисты эту монашескую “колоду” тасовали по всякому и неоднократно. То всех вместе, то поодиночке привозили их в райНКВД, а оттуда - то в тюрьму, то, после острастки, в ссылку.

Да и на воле несладко им приходилось. Как служителям культа им, к примеру, не отпускали в магазине соль и спички. В Устьвыми Клавдия Яркульцева (она тоже была и без карточек, и без работы сидела) устроилась в инфекционный барак санитаркой, ухаживала за детьми,

больными скарлатиной. Врач узнал и выгнал ее: “Она мне всех детей религиозным дурманом испортит”. И все же как жили монашки по-своему, так и после тюрем продолжали Бога славить. Ходило тогда по рукам прописанное письмо епископа Феофана духовным чадам: “Господь любит вас, и взял вас в руки: чтобы вытеснить из вас все негодное, как прачка мнет, и трет, и колотит белье, чтобы убелить его, так Господь мнет, трет и колотит вас, чтобы убелить вас и приготовить к наследию царствия своего, куда не войдет ничто нечистое. С радостью принимайте всякую неприятность, как врачевство, подносимое самим Господом. На окружающих вас смотрите, как на орудие Божие во благо вам, и за ними всегда зрите руку Божию, вам благодеющую”.

Вот видится мне: идет служба в храме, ровным строем горят свечи перед иконами. Вдруг грохот, крики - толпа нечестивцев распахивает двери, выбивает окна, и одна за другой от порывов ветра гаснут свечи, лампы. Но вот ушли нечестивцы из загаженного храма. Темно в нем и пусто. Но, приглядишь, там - одинокая свечка, в другом углу - лампадка. Сквозняки не заглушили, а принесли свежий кислород и только усилили их горение.

Обстоятельства заставили уйти Клавдию из монастыря в одних рабочих опорках. В Кошках догнала ее молодая послушница:

- Игуменья просит вернуть монастырскую обувь.

Знала, что скупенька Ермогена, но бережет не свое - монастырское, и все же не сдержалась, попеняла игуменье. Было это семьдесят лет назад, а все не может простить себе Клавдия той несдержанности. А тогда, в 1923 году, пошла босой аж в город.

Ни родных, ни знакомых там не было. Ей повезло - признав в ней монашку, пригласил в дом какой-то старик. У него

только что умерла жена, надо было читать по покойнику Псалтырь. По правилам чтение длится шесть недель. День и ночь, только на часок смежит глаза, читала монашенка, и была счастлива: занята привычным делом, живет под крышей, хозяин кормит, да еще и денег сулят за работу. Но случилось неслыханное: бес сладострастия вселился в старикашку, попытался он изнасиловать монахиню. И сейчас, вспоминая эту страшную ночь, волнуется, трясется 94-летняя старушка. Как уже отбилась от него - не помнит, выбежала в соседнюю комнату, где спали три взрослых дочери старика, те пожурили отца, а ей посоветовали не волноваться. Оставшиеся три ночи она вовсе не спала, а закончив дело, убежала из дома и про плату не вспомнила.

В тот же день ее наняли читать по другой покойнице. И снова шесть недель бдения. Читала в доме партийного человека: тот, опасаясь соседей, не позволял открывать окна. В общем, заболела молодая монашка чахоткой и ушла лечиться в лес. Все лето жила в дремучем бору, рядом с Нижним Човом, питаюсь ягодами и грибами. К осени кровохарканье прошло. А там приютили ее прихожане храма в Кируле.

Как-то пришла она к блаженному Александру в Тентюково, посоветоваться, как жить дальше, а тот ей:

- Иди в Усть-Вымь, там будет весело, запоешь от радости.

Она не поверила, но послушалась. И в самом деле, стала петь в Усть-Выми: взяли ее псаломщицей в Благовещенскую церковь.

А в 1937 году счастливая жизнь кончилась. Тьма безбожия запутала Усть-Вымь. Арестовали последнего в селе священника, увезли псаломщика, некоторых мирян. В то же время только по Выми забрали 20 священников да троих взяли в Коквицах. Бывшая монашенка Клавдия Яркульцева держала наготове узелок - была готова к аресту. Но

миновала ее чаша сия. Не тронули и другую - Александру. Незаметными темными тенями иногда мелькали они на улицах. А так - все дома, или в лесу за сбором грибов и ягод - основного подспорья. Ночами, оглядываясь, стучались в их окошко сельчане:

- Придите, матушки. Псалтырь почитать по покойнику.

И читали монахини, молились, ночами, задернув занавески, переписывали молитвы, духовные стихи, жития святых. Знали, что за это можно “схлопотать” срок, но не оставляли служения. И сейчас стихи эти находят молодые наследники в самых потаенных сундуках своих деревенских бабушек. Пожелтели они от времени, истерлись на сгибах:

“О чем скорбеть,

О чем крушиться?

О чем мне слезы проливать?

А нужно Богу лишь молиться

Его на помощь призывать”.

А вот эту историю рассказала мне Клавдия Яркульцева, последняя из оставшихся в живых монахинь Кылтовского монастыря:

- Жила женщина по имени Вера. И вот заболела она тяжело. Долго ухаживали за ней сестры, но дело все не шло к поправке: болеет и болеет старшая сестра. Оставили ее сестры. И вот умирала Вера, и встречает ее Божья Матерь. Идут они вдвоем по небу. А небо-то все усеяно ярко сияющими звездами, и такое от них умиротворение, такое доброе сияние - просто сердце исцеляется. Богородица показывает на них, говорит, что каждая звезда - это отражение души человеческой. У каждого человека - есть своя звезда. Только у человека верующего - светлая звезда, а у безбожника - темная. Присмотрелась Вера: действительно, миллионы и миллионы темных звезд на

небе, не лучатся они, вроде бы замерли, прячутся в лучах светлых звезд.

- Видишь, как крушатся души, как от слез почернели? Умрет светлый человек и скатится его звезда с небосвода, все увидят его кончину. А невер уйдет из жизни - исчезнет незаметно потухшая звезда.

Клавдии Михайловне 94 года, она уж и встает-то редко с койки. А тут, закончив рассказ, встала, подошла к окну:

- Я вот смотрю, бывает, на небо. Мало сейчас звезд видно. Раньше-то много их было. Сердце радовалось - ах, как нас много, православных. А нынче? Или вижу плохо? Посмотри ты, много ли звезд на небе?

А. Саков.

На снимке: последняя игуменья Крестовоздвиженского Кылтовского монастыря матушка Ермогена (Афанасия Андреевна Дьячкова).
